

Александр СЕМЁНОВ
ХУРМИНКА

Александр Семёнов

Хурминка

<https://litres.ru/73825859>

SelfPub; 2026

Аннотация

Не возвращайся туда, где был счастлив, говорят умные люди. Но где они — и где мы? И как понять, был ты счастлив или нет, когда уехал давно и забыл очень многое? Только вернуться и проверить. Что принесёт возвращение? Скорее всего, вернёт тебе то, что несёшь в своей душе. С большими-большими процентами. Хочешь убедиться — поезжай!

Александр Семёнов

Хурминка

1

Утром звякнул телефон. Костя, разлепив глаза, потянулся к тумбочке.

«Костян дароф! Узнал? Как живеца могеца? Че забыл нас савсем??»

Сообщение в ВК. Отправил Rock Govnорock, железный дровосек на картинке. Так-так...

«Здорово, Серый! Узнал, конечно! Не забыл, просто дел было выше чердака».

Ответ прилетел немедленно:

«А щас то лето. Наше вам с кисточкой от всех. Давай сюда хоть на пару недель! Посидим закусим. На тракторе погоняем. А то жызнь проходит. Я правильно пишу слово жызнь?»

«Не совсем. Правильно будет "жызднь"».

«Ну ты как всегда».

И вправду Серёга Кондин, стиль не пропёшь. «Серый, подойди к окну». — «Какну? Н-ну давай какну!» И так по любому случаю.

Костя перебрался за стол, включил ноутбук.

«У вас есть гостиница? Кажется, при мне была».

«Какая гостиница мостиница! Брателу моего Романыча помнишь?»

Вот ты спросил. Старше на десять лет, десантная тельняшка, гитара «Фендер», тридцать подтягиваний за подход...

«Помню! Привет ему!»

«Большой чел теперь. Строительный магнат. Дом построил столько комнат можно заблудится. Приежай найдем уголок».

«Спасибо. Возьму с собой компас».

«Лады. Напиши как соберешься».

«Напишу! Как там наши?»

Дожидаюсь ответа, встал, открыл форточку. Ветер в этот ранний час уже тёплый, панельные девятиэтажки питерского Юго-Запада как корабли в зелёном море.

2

Пока готовился завтрак, Костя открыл расписание поездов. Ближайшие билеты до Севастополя — через две недели.

Вот и поглядим, что дольше: две недели или одиннадцать лет. Ровно столько назад уехал, а в Хурминке дела своим чередом. Вадим и Алла, вечные соседи по парте, поженились,

и Миша с Таней, он её чуть ли с дошкольных лет на мотороллере катал. И другие, почти у всех дети. У Серёги на странице фотография симпатичной блондинки с пятилетними двойняшками, девочкой и мальчиком. С Надей непонятно, о ней отдельно спросил. Исчезла решительнее некоторых, даже следов не отыскать в мировой паутине.

Костя написал Наташе. За двадцать минут не открыла, тогда позвонил.

— Извини, не могу, — ответила она. — С мамой летим в Иркутск, потом ещё... короче, нет.

А не напомни он о себе, так бы молча и унеслась? Ладно, один билет, боковое верхнее. Тут же купил и обратный с таким расчётом, чтобы побыть в гостях двенадцать полных дней.

Осталось договориться с учениками, их летом немного, об удалённых занятиях. И вечером предупредить родителей.

Папа кивнул, принял к сведению. Мама сказала:

— Работу бы искал, чем кататься! Репетиторство не доведёт до добра. И потом они сюда все захотят, где будут жить? У нас не постоянный двор.

Костя пожал плечами. Что за манера паниковать раньше времени? Встанет вопрос — решим.

Теперь только ждать, а время притормозило, один час как три обыкновенных. Изменились ли одноклассники? А он сам? В зеркале, бреясь, по-прежнему видел юнца — чуть выше давнего подростка, шире в плечах, с более крепкой шеей,

но в целом очень похожего.

Там разберутся, похож на самом деле или нет.

3

Вдруг объявилась Наташа, предложила развеяться, пока оба здесь. Костя подумал и купил экскурсию в Пушкинские Горы, с ночёвкой и возвращением за сутки до крымского поезда. Случись задержаться, будет головная боль.

Накануне вечером Наташа приехала к нему. В ранний час на такси долетели пустыми улицами до площади Восстания, нашли на стоянке микроавтобус. Попутчики оказались средних лет и две старшекласницы, внучки одной из женщин. Наташа села возле окна, Костя рядом. Тронулись, экскурсовод завёл рассказ о Лицее, Куницыне, Кюхельбекере. Город сменился дачными посёлками, затем лесом.

День разгорелся солнечный, с кудрявыми облаками над горизонтом. Костя не выпускал из рук фотоаппарат в Михайловском и на Савкиной горке. Наташа сдружилась с девочками, смеялись под умилённым взглядом бабушки. На пасеку, что завершала первый день экскурсии, они втроём не пошли. «Нет, нет!» — взмахивали руками Лена и Рита, как бы отгоняя воображаемых пчёл. Наташа не делала испуганных глаз, отказывалась за компанию. А пчёл здесь и не было — только гостиная и магазин для туристов. Побеседовали с хозяйкой за чаем, попробовали лесные и луговые дары. Костя купил мёда Наташе и себе, зацепился взглядом за бутылку медовухи,

такую прохладную даже на вид, что рука сама потянулась...

Привёз гостинцы на турбазу, поставил в двухместном номере на стол.

— Представляешь, медведям нужен не мёд, когда они лопают улья, — сказал Костя.

— А что? — спросила Наташа, отложив книгу, которую читала при свете бра.

— Личинки. Это источник белка.

— Не слышала такого.

— Я тоже до сих пор.

— Мой мир не будет прежним. Значит, Винни-Пух на самом деле хотел...

— Может, вот этого? — указал Костя взглядом на бутыл.

— Пробовала?

Наташа выбралась из-под одеяла, щёлкнула, прикинула на вес и покачала светло-русой головой:

— Нет... Тут есть градусы?

— Около шести. Рискнёшь?

— Ладно, — помедлив, кивнула она. — Под твою ответственность.

Костя свинтил крышку, наполнил два стакана. Рискнули раз, другой и приговорили всё. Напиток оказался волшебным: хмеля ни в одном глазу и небывалые силы. Долго потом Наташа прикусывала край одеяла, чтобы не потревожить никого в соседних номерах неосторожными вздохами.

Уснули под утро, часа на полтора, вышли к автобусу бод-

рее некуда. Второй день провели в компании Лауры, научной сотрудницы музея-заповедника. Ах, Лаура! Что за имя, что за взгляд! А какая речь... Честное слово, она знала всех, слышала и непонятно как, но гуляла с ними по аллеям. Прощались с ней, когда пришло время, как с родной.

На обратном пути молчали, даже сёстры за спиной не спорили, кому сидеть возле окна. Чуть позже та из них, которой досталось это место, просунула руку между стеклом и Наташей, стала водить по её шее стебельком. Наташа, не в силах отмахнуться, ёжилась, хихикала, взмолилась шёпотом: «Перестань!...»

Костя просматривал фотографии на экранчике камеры. Петровское, Тригорское, скамья Онегина. Девушки секретничают. Лаура повествует о Ганнибалах. Выключил, убрал на багажную полку. Съездить самостоятельно, покараулить рассветы... Наташа задремала, привалившись к Костиному плечу. За окном необыкновенно быстро чередовались полосы дождя и ослепительного солнца.

Из-за ворота Наташиной футболки торчал стебель мятлика. Костя дотянулся, вынул, положил в карман. Проехали село Рождествено, мелькнула бело-голубая набоковская усадьба на холме. Зевнул, веки слиплись. Всё исчезло, лишь вдалеке, будто сквозь толщу воды, звучала песня про зайцев: на мониторе под потолком крутили старые комедии. «А нам всё равно, а нам всё равно, твёрдо верим мы в древнюю молву...»

На границе города очнулись, вышли у метро «Московская». Костя вызвал Наташе такси.

— Хорошо тебе слетать.

— И тебе хорошо съездить.

Поцеловались на прощанье, закрыл за ней дверь, взмахнул рукой и двинулся к остановке. Фонтаны на площади блестя в последних лучах. Кругом были парочки, шли в обнимку, держась за руки, просто рядом...

4

Первым дорожным утром свет за окнами вагона был уже не северный, вкрадчиво-скользящий. Гораздо больше южной прямоты. Сосед Кости с нижнего места, моложавый крепыш лет пятидесяти, свернул и закинул наверх постель, следующим движением превратил свою полку в стол и два сиденья. За столом они с Костей сразились в шахматы на походной доске, каждый по два раза выиграл чёрными.

Сосед, Георгий, оказался подполковником запаса, Костин папа был капитан второго ранга, морской офицер.

— Что же сам не продолжил династию? — спросил Георгий.

За окном столбы, перелески. Сверкнула речка, унеслась деревушка в несколько дворов. Мог бы сейчас поступить в академию: перспективы, звёзды, хорошая пенсия когда-нибудь...

— Раздолбай и анархист, — сказал Костя. — Непригоден

к дисциплине. Попался бы вам такой солдат.

— Всекие были, дело прошлое.

Оба ехали в Севастополь: Георгий домой, Косте предстояло двигаться дальше — до Хурминки.

— Знаю, — сказал попутчик. — Бывал по службе в вашем подземелье.

Для туриста Хурминка — обычное село в предгорьях, одно из многих с забавными названиями: Дракошино, Пятихатка, Приятное Свидание... Изогнутые улицы, холмы. Яблони, сливы, абрикосы глядят через низкие заборы. Вокруг — виноградники, сады. Всё как везде, но есть секрет.

К северу от Хурминки высится поросшая сосной гора Кыр-Мангай, по-русски Дикий Лоб. Земляничные склоны, сколько там ягод, три литра за час! На плоской вершине ветрено. В толще двухсотметровой горы скрывается лабиринт, главный узел связи Черноморского флота. На поверхность он выглядывает казармами, штабом, матросским клубом: всё простое, гражданское на вид. Рядом стоит пятиэтажка для офицеров и их семей.

Костя жил в ней три последних школьных года. Папа командовал связистами, мама сутки через трое дежурила под землёй. Ровесников в доме не было, все дети младше. Он заглядывал к матросам, учился играть в настольный теннис и бильярд, но чаще спускался к одноклассникам. В конце марта была неделя с тремя днями рождения подряд — тогда забегал домой на час-полтора и вновь спешил на праздник. Ез-

дили футбольной командой на турниры в Севастополь, стреляли в школьном тире, осенью собирали виноград, потом отмывались в оросительном пруду. Незадолго до выпускного вечера нашли на опушке пробитую, оплавленную бронеплиту, впятером закинули в тракторный прицеп, выгрузили возле музея боевой славы и затащили на второй этаж.

Через пару дней после выпускного он уехал.

5

В вагоне работали кондиционеры, а на остановках, спускаясь на платформу погулять, купить мороженое, Костя погружался в сухой раскалённый воздух. Скоро, скоро... Каждая минута приближает, даже когда стоим.

Вновь выстукивали колёса. Лес сменился полями, таким же распахнутым и залитым светом одиннадцать лет назад представлялся целый мир. Только на станциях пробуждались интернет, телефонная связь, огромные расстояния обходились без того и другого. Разговорчивый Георгий вот уже добрый час сидел молча, не отрываясь от окна.

Костя пообедал в вагоне-ресторане, почти пустом, лишь два столика занимали пары, и рядом он, один как перст. Вернулся, в туалете обтёрся мокрым полотенцем, переменял бельё. Соседи напротив бокового места были уже не те, что садились на Московском вокзале. Немалую часть вагона заняла компания молодёжи с мягкой, но очень громкой речью и диким избытком энергии. Настоящие казаки! Носились по

проходам, запрыгивали на верхние полки, на нижних кто-то кого-то мял, как глину, вызывая хохот и визг. Две тётеньки учительского вида безуспешно пытались уговорить безобразие.

Какой, однако, праздник жизни под топиками и майками девчонок, даже худеньких, что за богатство! Когда-то, следуя за нашим солнцем, Костя приглядывался к ногам. Майским воскресеньем поехали в Любимовку на пляж, искупались. Перед ним на одном покрывале улеглись подруги Алла Коваль и Рузанна Вартанова, подошвы нежные, как зефир. Долго не хотел вставать... У Кати Подойницыной, самой высокой девочки, туфельки были меньше, чем у Светы Дёминой, чья макушка не доставала до Катиного плеча. У Нади Артюх такие прекрасные, сильные икры, что её дразнили балериной, особенно Лена Бориско: «Попалась, баядерка!» — и давай щекотать. Надя однажды ускользнула, спряталась за Костей, прижалась, он поворачивался, растопыривал ветви, и эти смешки над ухом, лёгкие вскрики, шёпот: «Спасибо»... Вскоре был последний звонок, шли рядом, рука в руке. Медленный танец на выпускном. Разъехались, Надя подалась в Киев. С полгода переписывались, думал пригласить летом в гости, потом обрыв. И мама её Любовь Ивановна, учитель биологии, вскоре уволилась и уехала.

Костя забрался наверх, закрыл глаза. Утром до цели было рукой подать.

— Забурел, в натуре забурел! — было первое, что услышал Костя на вокзале Севастополя.

— Да и ты, прямо скажем...

С виду Серый был тот же: худое широкоскулое лицо, крупные зубы, светлые глаза, от смеха принимающие форму месяца рожками вниз. Средний рост, джинсы, рубашка навыпуск, бейсболка с длинным козырьком. Хрипловатый, чуть ломкий голос. Но заметно, очень заметно по взгляду, речи, по всей манере держаться, что есть на свете люди, для которых он папа, для которых он взрослый.

В стороне, возле запылённого «пассата», их встретила темноглазая блондинка в ярком сарафане.

— Алёна, — улыбнулась она.

Костя бережно пожал её тонкую ладонь. Очень приятно.

— Когда у тебя, говоришь, занятие? — спросил Сергей.

Обмолвился перед выездом один раз, а он помнит! До занятия оставалось три часа, и Серый предложил заглянуть на Приморский бульвар.

— Мы всё ждём, когда ты станешь великим писателем, — сказал он, сворачивая на проспект Нахимова.

— Это разные вещи, грамотность и творчество. Не всегда гуляют вместе. Да и великие писатели вымерли. Я по роду занятий читаю современных, а другие... Спрошу иногда ученика: знаешь такого-то? А того? Этого? Никто не знает. Получается, их как будто и нет.

— Ты стань не современным, а вымершим, как Лев Толстов, — сказал Сергей. — Всё, паркуюсь. Оперделился с местом.

— Ну тебя! — Алёна, широким взмахом обозначив затрепину, едва коснулась его макушки.

Костя расстегнул рюкзак, вытащил фотосумку. Готов Толстов.

7

Ветер на бульваре раздул сарафан Алёны, показал её белые в красный горошек трусики, заставил схватиться за ноги и захохотать.

— Не холодно? — спросил Сергей, поправив ей на плече бретельку.

Алёна покачала головой. Костя отошёл и, став на колено, прицелился из фотоаппарата.

Невдалеке, в тени акаций, пожилой аккордеонист играл камаринского. Тёмные пальцы мелькали по клавишам, переливались меха. Те самые звуки: концерт самодеятельности классе в десятом? одиннадцатом? Репетиции по вечерам. Надя Артюх — звезда, такие фокусы выделявала дивными ногами... Давно, слишком давно.

Всё-таки Костя огляделся: вдруг?

Музыкант имел признание, оно трепетало бумажными крыльями в коробке у ног. Довольно-таки весомое, дно закрыто не в один слой. Костя дождался конца мелодии, поса-

дил в коробку сторублёвую бабочку от себя и придавил монетами.

— Благодарю вас, — сказал аккордеонист, сыграл знакомое вступление и запел молодым, звонким баритоном:

Тихо плещет волна, ярко светит луна,
Мы вдоль берега моря идём, и поём, и поём...

Под звуки вальса спустились к бухте, пошли в сторону памятника затопленным кораблям. Волны летели к набережной, кипя и сверкая, каждая как праздничный салют. Ближняя разбилась с пушечным громом, пеной взбежала по уходящим в воду ступеням, взорвалась фонтанами. Дети, толпившиеся у края, с криками бросились врассыпную, и вместе с ними несколько мокрых собак. Вновь осторожно подошли, заглянули под гранитные плиты, словно пиратский клад мечтая найти, — до следующей волны. Удар! Вовремя щёлкнул затвор, матрица поймала распахнутые глаза, растопыренные руки, даже радугу за спинами, в туче брызг, слишком мимолётную, чтобы уловить её простым взглядом.

Двинулись дальше, миновали художника, крепившего к стенду глянцевые виды Херсонеса, Малахова кургана и почему-то Спаса на Крови. Увеличив снимок на экране камеры, Костя различил на противоположном берегу Артиллерийской бухты двойника в такой же светлой футболке, с таким же фотоаппаратом, направленным на бульвар.

— Я говорю всем, что Артбухта значит Бухта Искусств,

— вспомнил Костя.

— Верят? — спросила Алёна.

— Куда им деваться.

— Зайдём, хорошее место, — позвал Сергей, указывая взглядом на большое кафе.

— Откуда знаешь? — обернулась она.

— Рыбка под хвостом принесла.

— Идём! — скомандовала Алёна.

В кафе, обставленном в корабельном стиле: спасательные круги на стенах, декоративные верёвочные лестницы, макеты парусников под потолком, — заняли стол возле окна. Прочный, дубовый, с такими же несокрушимыми скамьями. Костя сел напротив и отвёл взгляд, когда Алёна склонилась над меню. Выбрали черноморское ассорти: тушёные креветки, мидии, барабульки в горшках, — к нему овощной салат и чай. Костя раскрыл барную карту, взглянул на Алёну, она покачала головой и сказала, что неделю назад узнала о будущем малыше. Ну и сам в одиночку не стал.

8

До занятия оставалось около часа, когда тронулись в путь. Костя чаще ездил другой дорогой — от площади генерала Захарова на Северной стороне. Эта, в объезд Севастопольской бухты, была длиннее, извилистей. Придерживая на поворотах рюкзак, Костя с неясным холодком узнавал: сейчас

влево, теперь будет балка, дальше вверх, вверх, на взлёт...

Горы позеленели. Чем ближе подъезжали к Хурминке, тем гуще становились деревья — а сосны, которые сам с друзьями высаживал на террасах, наверное выросли, сомкнули кроны. И легко ли теперь найти тропу на Кыр-Мангай?

Табличка на въезде была другая, монументальная, на трёх языках. Часовню рядом с почтой, перестроенную из жилой мазанки, сменила небольшая церковь в византийском стиле. Чуть дальше, когда неспешно ехали Балаклавской улицей мимо Дома культуры, с одной точки открылся вид на летнюю танцплощадку, но площадки не было — только кучи земли, среди которых кто-то вперевалку ходил.

— Археологи, — сказала Алёна. — Ищут скифские следы, уже нашли кое-что.

— Ночной горшок вождя, — добавил Серый. — По анализам у него был диабет и просто Тит.

Метров через сорок — поворот на улицу матроса Кошки, она не кончается за пределами села и, петляя серпантином по склонам Дикого Лба, приводит к пятиэтажному воинскому дому. Не свернули, проскочили мимо. Ай, ну точно же!..

9

Сергей завёз его в дальний край, где Костя прежде не бывал.

— Здесь теперь живём, на Подгорной. В этом доме наш детсад, в этом предки и Ромыч с семьёй.

Оба дома двухэтажные, с плоской крышей, большими окнами. Хай-тек с черепичным оттенком Средиземноморья.

Басом залаяли две собаки: громадная кавказская овчарка в углу двора и невидимая за домом. Отозвались соседские, лай покатился по улице волной.

— Тихо! Свой! — гаркнули в три голоса Сергей и двое вышедших на крыльцо мужчин.

Один из них — Рома. Он чуть потяжелел, тельняшка натянулась, волосы поредели. Прежним остался взгляд и мощные, жилистые руки.

— Что, постарел? — спросил он, здороваясь. Голос тоже был прежним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.